

ЛАНДИНА ЛАРИСА ВЛАДИМИРОВНА

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры историко-культурного наследия УВО «Белорусский государственный университет культуры и искусств», г. Минск, Беларусь
E-mail: larisa-hist@mail.ru

LANDINA LARISA VLADIMIROVNA

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage of the Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus
E-mail: larisa-hist@mail.ru

**ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ И СТАНИСЛАВ АВГУСТ ПОНЯТОВСКИЙ:
ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР В ПРЕДЫСТОРИИ РАЗДЕЛОВ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ**

**CATHERINE THE GREAT AND STANISLAW AUGUST PONIATOWSKI:
A PERSONAL FACTOR IN THE PREHISTORY OF THE POLISH-LITHUANIAN COMMONWEALTH PARTITIONS**

История взаимоотношений Екатерины Великой и Станислава Августа Понятовского в различные периоды их жизни, на первый взгляд, до конца изучена в русскоязычной литературе. Вместе с тем, данный сюжет представляет ряд исследовательских возможностей в таких направлениях, как дискурсивный и психологический анализ, наличие и реализуемость исторической альтернативы, сочетаемость и взаимовлияние объективного и субъективного факторов и т.д. В статье предлагается рассмотреть проблему личных и политических отношений российской императрицы и последнего правителя Речи Посполитой с указанных позиций.

Ключевые слова: Екатерина Великая, Станислав Август Понятовский, разделы Речи Посполитой, просвещенный абсолютизм, шляхетская демократия, личностный фактор, геополитическая ситуация, историческая альтернатива.

The history of relations between Catherine the Great and Stanislaw August Poniatowski in various periods of their lives, seems to be fully studied in Russian-language literature. At the same time, this plot presents a number of research opportunities in such areas as discursive and psychological analysis, the existence and realizability of a historical alternative, the compatibility and mutual influence of objective and subjective factors, etc. The article proposes to consider a fairly well-known story about the relationship between the Russian Empress and the last ruler of the Commonwealth (Rzeczpospolita) from the indicated positions.

Keywords: Catherine the Great, Stanislaw August Poniatowski, Polish-Lithuanian Commonwealth partitions (Rzeczpospolita partitions), enlightened absolutism, gentry democracy, personality factor, geopolitical situation, historical alternative.

Введение

Актуальность. Международные отношения в Европе второй половины XVIII в. отмечены событием, не имевшим прецедентов. Речь идет о разделах Речи Посполитой – конфедеративного государства, состоящего из Короны Польской и Великого княжества Литовского. Вследствие этого Речь Посполитая исчезла как субъект международных отношений, а ее территории были разделены между Россией, Пруссией и Австрией. Значительная часть бывшего Великого княжества Литовского, т.е. белорусские земли, вошли в состав Российской империи, что в дальнейшем сыграло определяющую роль в формировании белорусской нации и государственности.

Предыстория разделов Речи Посполитой и сами они включают, наряду с объективными факторами международного и политического характера, значительную долю субъективных. Это отношения Екатерины II и Станислава Августа Понятовского, на протяжении ряда лет в немалой степени определявшие действия обоих во время постепенного исчезновения Речи Посполитой с политической карты Европы. Важность данного обстоятельства обуславливает востребованность его более

пристального рассмотрения.

Цель исследования – раскрыть роль личностного фактора в отношениях Екатерины II и Станислава Августа Понятовского с позиций психоистории, исторической альтернативы, а также политического контекста второй половины XVIII в.

Новизна исследования заключается в ракурсе рассмотрения указанной проблемы. Собственно нарративное ее изложение достаточно хорошо известно – в первую очередь из «Записок» Екатерины и «Мемуаров» Понятовского. Вместе с тем, продуктивным выступает рассмотрение отношений Екатерины и Понятовского с позиций психологического и дискурсивного анализа. Значительный интерес представляет также оценка исторической альтернативы, заключавшейся в возможности династического брака Екатерины и Понятовского. Наконец, представляется возможность оценить место личностного фактора применительно к европейским правителям в общем процессе геополитической конкуренции новоевропейских государств с различной системой власти.

Методологической основой работы стали принципы историзма, системности и объективности, что предполагает рассмотрение субъективного фактора в

предыстории разделов Речи Посполитой, во-первых, в динамике и временной перспективе, во-вторых, как неотъемлемую часть более масштабных политических процессов. В исследовании применялись идеографический подход, диахронический метод изложения, прием моделирования исторической альтернативы, метод дискурс-анализа.

Изложение основного материала

Разделы Речи Посполитой были подготовлены множеством разновременных факторов. В долговременной ретроспективе имеется в виду специфика развития Речи Посполитой, обусловленная, в свою очередь, особенностями политических институтов Польского королевства. В среднесрочном масштабе значительный территориальный и политический ущерб Речи Посполитой был нанесен войнами XVII в. и последовавшими за ними потерями территорий. Более близким во времени и определяющим фактором стало установление в Речи Посполитой российского контроля в начале XVIII в., за которым последовали заключение «Союза трех черных орлов» в 1732 г., война за «польское наследство» и возведение на трон Речи Посполитой лояльного к России Августа III Саксонца (1734–1763). Первый раздел Речи Посполитой в 1772 г. в немалой степени определился выбором в 1764 г. по инициативе Екатерины II на трон монарха Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского, и поэтому личные отношения Екатерины и Понятовского представляются весьма значимыми в происходивших событиях.

В российских и русскоязычных работах (польская историография является отдельным предметом рассмотрения) проблема отношений Екатерины II и Станислава Августа Понятовского стала своего рода общим местом. При этом российская дореволюционная и советская историография сводили к минимуму любые личностные сюжеты. В первом случае это считалось проявлением едва ли не «бульварной литературы». К ней причислялись и книги К.Ф. Валишевского «Роман императрицы» и «Вокруг трона», не считавшиеся научными. Во втором – было несовместимо с классовым подходом советской историографии, когда рассматривать частную жизнь монархов было неприемлемо.

На рубеже 1980–1990-х гг., в свете пересмотра отношения к российской монархии и ее представителям, интереса к человеку в истории, новой интерпретации историографического наследия, личность и деятельность Екатерины II вызвали огромный интерес. Первой знаковой работой стал политический портрет Екатерины II, созданный А. Б. Каменским и содержащий ряд новых на тот момент выводов, в том числе и о личности императрицы [4]. 200-летию юбилею смерти Екатерины II были посвящены материалы конференции «Екатерина Великая: эпоха российской истории» [2], а также сборник воспоминаний «Екатерина II и ее окружение» с включенным в него фрагментом мемуаров С.А. Понятовского [3].

Огромный массив публикаций о Екатерине II в современной русскоязычной историографии уже выступает самостоятельным сюжетом [6, с. 682–684]. Однако лишь в книге О.И. Елисеевой «Екатерина Великая», созданной в парадигме психоистории, развернут сюжет о личностной составляющей в политическом контексте

разделов Речи Посполитой [4, с. 78–81, 445–448].

Даже беглое знакомство с условиями происхождения и воспитания, а также анализ мемуаров Понятовского и Екатерины демонстрируют, насколько изначально разными были эти люди.

Станислав Август Понятовский (1732–1798), уроженец местечка Волчин Берестейского воеводства (ныне деревня Волчин Каменецкого района Брестской области в Беларуси) не выделялся древностью рода. Однако отец Станислава укрепил положение семьи, женившись на Констанции Чарторыйской и породнившись с одним из крупнейших аристократических родов. Чарторыйские и их единомышленники составили политическую группировку «Фамилия», выступающую за реформирование Речи Посполитой в середине XVIII в.

В мемуарах Понятовский не раз подчеркивал благотворное влияние матери и с благодарностью вспоминал, как она «поразительно разумно», с особым вниманием взялась за его воспитание «Эта поистине редкостная женщина, – писал Понятовский, – не только сама лично занималась со мной многим из того, что препоручают обычно гувернерам, но и сделала все возможное, чтобы хорошенько закалить мою душу и вдохнуть в нее возвышенные устремления... Широко распространенное в Польше несовершенство реального воспитания побудило также мою мать всячески ограждать меня от общения с теми, кто, как она опасалась, мог мне подать дурной пример» [8, с. 18–19]. Получив отличное образование, посетив ряд европейских стран, полный возвышенных устремлений, Понятовский оказался в Петербурге в 1755 г. в качестве секретаря английского посла при российском дворе сэра Чарлза Генбюри Вильямса.

Великая княгиня Екатерина Алексеевна, до православного крещения София-Августа-Фридрика Ангальт-Цербстская (1729–1796), родилась в г. Штеттине (Щецине), в то время находящемся во владениях Пруссии, а ныне расположенном на северо-западе Польши. Вопреки расхожему мнению, она не была безродной и принадлежала к Ангальтской ветви германского княжеского рода Асканиев. Так, Е.В. Пчелов утверждает, что восходящая родословная Екатерины демонстрирует связь с такими монархами, как Карл Великий, Альфред Великий, Вильгельм Завоеватель и др. [9, с. 156]. Принцесса Фике (так в детстве называли будущую великую княгиню Екатерину Алексеевну) с любовью относилась к отцу, но этого нельзя было сказать о матери. Принцесса Иоганна-Елизавета была выдана замуж в 15 лет за 42-летнего князя Христиана-Августа Ангальт-Цербстского. Слишком юный возраст, брак с мужчиной намного старше, желание блистать в свете, очевидно, не способствовали материнским чувствам. Лишь одно обстоятельство компенсировало минусы этой ситуации: принцесса Иоганна-Елизавета, не переносившая домашнюю рутину, с семилетнего возраста возила дочь на приемы, устраиваемые многочисленными родственниками, и принцесса Фике видела всех знаменитых людей Германии, включая короля Пруссии Фридриха II [4, с. 20–21, 23].

Судьбу будущей российской императрицы определила конъюнктура брачного рынка, обусловленная международной ситуацией. Российская императрица Елизавета Петровна наследника не имела и в качестве такового объявила своего племянника Карла Петера

Ульриха, будущего Петра III. Возник принципиальный для соседей России – Швеции, Саксонии и Пруссии – вопрос о том, чья принцесса станет женой будущего российского императора. Выбор склонялся в пользу саксонской принцессы, но Фридриху II удалось переломить ситуацию. «Было крайне опасно для государственного блага Пруссии допустить семейный союз между Саксонией и Россией, а с другой стороны, казалось возмутительным пожертвовать принцессой королевской крови для устранения Саксонии. Избрано было другое средство. Из всех немецких принцесс, которые по возрасту своему могли вступить в брак, наиболее пригодною для России и для интересов Пруссии была принцесса Цербтская. Отец ее был фельдмаршалом королевских войск; мать, принцесса Голштинская, была сестрою наследного принца шведского, теткой великого князя Российского», – впоследствии вспоминал Фридрих II [12, с. 20–21, 23].

В 1755 г. великая княгиня Екатерина Алексеевна, родив наследника Павла, не только чувствовала себя одиноко, но и переживала удаление за границу и приходящие оттуда известия об изменах своего фаворита Сергея Салтыкова. С другой стороны, Вильямс, имевший целью переориентировать внешнюю политику России в сторону Англии, не мог не использовать эту ситуацию.

Внешний ход дальнейших событий хорошо известен из «Записок» Екатерины и «Мемуаров» Понятовского. Однако не меньший интерес представляет психологическая составляющая обоих текстов. Очевидно, что в данной паре более любящей, и, следовательно, страдающей стороной был Понятовский. Достаточно обратиться к его «Мемуарам», лейтмотивом которых было желание объясниться и исповедаться. Понятовский утверждает, что «искренность дана нам Спасителем», и наделенный ею человек, даже рассказывая о своих ошибках, наполовину их искупает «смелостью, с какой он признается в них, надеясь сказать услугу читателям своей исповеди» [8, с. 17].

День знакомства с Екатериной, ее слова, облик, наряд Понятовский, очевидно, хранил в памяти как важнейшие события своей жизни. Вот описание молодой Екатерины, которое могло принадлежать только безоглядно влюбленному мужчине, позабывшему, «что существует Сибирь»: «Ей было двадцать пять лет. Оправляясь от первых родов, она расцвела так, как об этом только может мечтать женщина, наделенная от природы красотой. Черные волосы, восхитительная белизна кожи, большие синие глаза навывкате, многое говорившие, очень длинные черные ресницы, острый носик, рот, зовущий к поцелую, руки и плечи совершенной формы; средний рост – скорее высокий, чем низкий, походка на редкость легкая и в то же время исполненная величайшего благородства... Такова была возлюбленная, сыгравшая в моей судьбе роль арбитра. Все мое существование было посвящено ей – с гораздо большей полнотой, чем об этом заявляют обычно те, кто оказывается в подобном положении» [8, с. 104–105].

Безусловно, эти слова можно воспринять с долей скепсиса, учитывая экзальтированность в проявлении чувств, характерную для «галантного века». Однако такое допущение скорее ошибочно. О степени серьезности этих отношений для Понятовского говорит такой факт.

Будучи вынужденным уехать из Санкт-Петербурга, он обратился к своему исповеднику и «покаялся ему отрешиться от того, чего желал больше всего на свете», если только одно событие – брак – не позволит ему достичь желаемого [8, с. 144]. Понятовский рассказал о своей любви родителям: «Моя страсть, мое чистосердечие, мое сыновнее почтение, объединившись, внушили мне, что любовь эта может продолжаться» [8, с. 144].

А как воспринимала эти отношения великая княгиня Екатерина Алексеевна? «Записки» начинаются с формулирования авторского кредо: «Счастье не так слепо, как обыкновенно думают. Часто оно есть ничто иное, как следствие верных и твердых мер, не замеченных толпою, но тем не менее подготовивших известное событие. Еще чаще оно бывает результатом личных качеств, характера и поведения» [10, с. 1]. Целеполагание, рациональный подход, продуманная тактика действий, признанные Екатериной краеугольными для достижения успеха, являются эффективными и сейчас. Она уверена в своей позиции, не исповедует и не объясняется. В ее «Записках» Понятовскому уделен минимум внимания. Он – лишь «граф Понятовский». Эмоционально окрашенные описания его внешности или характера отсутствуют. Вот как вспоминает их знакомство молодая Екатерина: «Английский посланник ... подтвердил то, что я уже знала, а именно, что старик Понятовский и семья жены его, Чарторижские, в то время были главными представителями русской партии в Польше; что они послали молодого графа в Россию и поручили его Вильямсу для того, чтобы воспитать в нем доброе отношение к России» [10, с. 173]. У Понятовского и Екатерины была дочь, не дожившая до полутора лет, но эта тема, разумеется, была табуирована. Отношения с Понятовским, где Екатерина скупко описывает их внешнюю сторону, для нее – скорее развлечение в рутине придворной жизни [10, с. 173–178]. Разумеется, ей одиноко, она под надзором Елизаветы Петровны, муж игнорирует ее, некогда любимый человек развлекается за границей. Но при всем этом великая княгиня Екатерина Алексеевна – лидер, рациональный и рассчитывающий на перспективу. В перспективе же были переворот 1762 г., ставка на братьев Орловых, отношения с Григорием Орловым и опасный период сразу после захвата власти. В данной ситуации места для отношений с Понятовским уже не осталось.

После переворота 1762 г. Понятовский, по его словам, тщетно пытался убедить себя, что его «скоро призвут». От постоянного стресса он «заболел от печали и тревоги» и терзался муками ревности [8, с. 144]. Узнав о смерти Петра III, Понятовский, верный своей мечте предложить руку и сердце Екатерине, рвется приехать к ней, но неизменно получает послания, изысканно вежливый, нейтральный и увещательный тон которых, тем не менее, твердо указывает на запрет являться в Петербург. Вот выдержки из писем Екатерины второй половины 1762 г.: «Убедительно прошу вас не спешить приездом сюда, потому что ваше присутствие при настоящих обстоятельствах было бы сильно опасно и очень вредно для меня... Всю жизнь я буду только стремиться быть вам полезной и уважать вашу семью; но теперь здесь все полно опасности, чревато последствиями... Прощайте; будьте здоровы». «Вы читаете мои письма недостаточно внимательно. Я вам сказала и по-

вторила, что подвергнусь крайним опасностям с разных сторон, если вы появитесь в России. Вы отчаиваетесь; я удивляюсь этому, потому что в конце концов всякий рассудительный человек должен покориться. Я не могу и не хочу объясняться по поводу многих вещей. Я вам сказала, и я вам повторяю, что всю мою жизнь с вашей семьей и с вами я буду в самых дружественных отношениях, в соединении с признательностью и отменным уважением» [7, с. 286, 297].

Между тем, в данной ситуации существовала альтернатива, какой бы фантастической она ни выглядела. При этом вопрос заключался даже не столько в амбициях самого Понятовского, понимавшего, что такую женщину, как Екатерина, он больше не встретит, и не в соблазне получения им статуса супруга правительницы огромной империи. О возможном браке Понятовского и Екатерины говорили в Европе. Например, известная хозяйка литературного салона в Париже мадам Жоффрен писала Понятовскому, что, по ее сведениям, Екатерина не чувствует себя крепко на престоле, что она уступит престол сыну, а сама выйдет замуж за Понятовского [1, с. 314]. Такие версии могли выдвигать лишь те, кто плохо знал новую российскую императрицу. Тем не менее, при возможности династического брака Екатерины и Понятовского, унии Речи Посполитой и России, создания огромной евразийской империи был допустим совершенно иной сценарий истории Восточной Европы. Создание огромного евразийского государства было бы грандиозно, но насколько это отвечало интересам остальной Европы и самой Екатерины? Сомнительно, что европейские государства допустили бы брак, разрушающий европейское равновесие, применив любые средства. Для Екатерины, очевидно, менее затратно и проблематично было иметь Речь Посполитую под российским контролем, чем ее земли в составе России или в унии.

Между тем, сложившаяся вокруг Речи Посполитой ситуация уже давно подталкивала ее соседей к перспективе аннексии и разделов. Политическая культура Речи Посполитой, основанная на идеях республиканского Рима и традициях сарматизма, воспринималась современниками как нечто экзотическое, но не эффективное в реальной политике. В Западной Европе, где господствовал абсолютизм, фактическое бессилие монарха в Речи Посполитой, право либерум вето, конфедерации, рокош, золотые шляхетские вольности оценивались адекватно. Однако в официальном дискурсе они считались «свободами», на страже которых стояли сопредельные государства. Соседи Речи Посполитой четко понимали, что в перспективе, без попыток реформ центральной власти, неизбежен паралич государственного управления и безусловный проигрыш Речи Посполитой в соперничестве с экономически более мощными и политически консолидированными абсолютными монархиями.

Опасность разделов неоднократно возникала в истории Речи Посполитой. Например, в 1657 г., во время войны Речи Посполитой со Швецией, названной Шведским потоком, идея раздела обсуждалась королем Швеции, великим курфюрстом Бранденбурга и императором Священной Римской империи. В 1661 г. король и великий князь Ян Казимир предсказывал раздел Речи Посполитой между Россией, Бранденбургом и Австрией. В 1667 г., после утраты Левобережной Украины и войны с Россией, опасность разделов Речи Посполитой была

настолько велика, что Людовик XIV заключил со шведским королем договор, целью которого было недопущение возможных разделов Речи Посполитой Австрией, Бранденбургом и Россией. Во время Северной войны перспектива раздела Речи Посполитой высказывалась как Августом II, курфюрстом саксонским и правителем Речи Посполитой, так и прусским королем [1, с. 304], но, очевидно, Петру I удалось взять ситуацию под особый контроль.

При этом, независимо от текущей политической конъюнктуры, соседи Речи Посполитой твердо придерживались принципа, согласно которому условием вмешательства в дела польско-литовского государства является сохранение в нем политической неустойчивости и недопущение установления стабильной монархической власти. Об этом, в частности, шла речь при заключении так называемого «Союза трех черных орлов» – секретного Берлинского договора 1732 г. между Россией, Австрией и Пруссией. В апреле 1762 г. в третьем параграфе договора, заключенного между Фридрихом II и Петром III в Петербурге, было указано на необходимость всячески препятствовать нововведениям в государственном строе Речи Посполитой и превращению ее в наследственную монархию [1, с. 305].

Смерть Августа III вновь поставила вопрос о «польском наследстве». Восстановление на троне вассальной от Речи Посполитой Курляндии в 1763 г. Э. И. Бирона, обязавшегося пропускать российские войска и не вступать в отношения с врагами России, было «как бы введением к событиям, которые повели к разделу Польши» [1, с. 294]. Применительно к событиям в Курляндии Екатерина отмечала еще в бытность великой княгиней: «Итак, я вас спрашиваю, что необходимо для России: деспотический ли сосед, или счастливая анархия, в которую погружена Польша и которой мы распоряжаемся по своей воле? Петр Первый, лучше знакомый с делом, объявил себя в Ништадском договоре 1717 г. поручителем за свободу Польши и врагом того, кто посягнет на нее» [12, с. 91–92].

В свете сказанного, при выборе нового монарха необходимо было соблюдение ряда условий. Во-первых, он не должен был представлять династию, тем более сильную. Второе условие – лояльность к России и благодарность ее императрице за трон. Наконец, новому правителю необходимо видеть в России мощного союзника.

Со своей стороны, Фридрих II писал Екатерине в 1763 г.: «Из всех претендентов на польскую корону законы здравой политики обязывают меня, государыня, выключить только принцев австрийского дома, и, насколько я знаком с интересами России, то мне кажется, что по этому вопросу ее выгоды достаточно отвечают моим. Впрочем, я соглашусь избрать из всех претендентов того, которого вы предложите, однако должен прибавить, что нашим общим интересам приличествует, чтобы это был Пяст, а не иной кто» [1, с. 306]. Фридрих особенно обращал внимание Екатерины на необходимость сохранять все обсуждаемое в глубокой тайне. Екатерина отвечала, что согласна на избрание Пяста, «но такого, который не стоял бы на краю могилы и не получал бы жалованье ни от какой из держав», очевидно, исключая Россию, откуда Понятовский получал деньги [1, с. 306]. Всем указанным требованиям удовлетворял Станислав Август Понятовский.

Зимой 1763/1764 гг., уже стоящий перед фактическим назначением на престол Речи Посполитой и понимавший связанные с этим перспективы, Понятовский дважды писал Екатерине: «Не делайте меня королем, призовите меня к себе», поясняя, что две причины диктовали ему такие слова. Первая – чувство, которое он все еще хранил в своем сердце. Вторая – уверенность в том, что он больше сможет сделать для своей родины, находясь в качестве частного лица вблизи императрицы, чем будучи королем в речи Посполитой. Понятовский так подвел итог своих усилий: «Тщетно. Мои мольбы не были услышаны» [8, с. 177–178].

7 сентября 1764 года, после выборов короля, Екатерина писала Н. И. Панину – президенту Коллегии иностранных дел: «Поздравляю вас с королем, которого мы сделали». Сама Екатерина так высказывалась по этому поводу: «Россия выбрала его в кандидаты на польский престол, потому то из всех искателей он имел наименее прав, а следовательно, наиболее должен был чувствовать благодарность к России» [1, с. 314].

Понятовский, хорошо знающий внутреннее положение в Речи Посполитой понимал, что ему уготована роль капитана тонущего корабля. Однако нужно признать, что последний монарх Речи Посполитой все же максимально достойно выполнил свою роль, проведя целый ряд преобразований в духе просвещенного абсолютизма. На протяжении своего правления, неизменно полагая, что только Россия поможет Речи Посполитой противостоять внешнему и внутреннему давлению, Понятовский, тем не менее, не был слепым исполнителем воли российской императрицы.

Две цели – доказать пусть относительную, но самостоятельность в управлении, и увидиться с Екатериной, хотя бы в качестве напоминания о прошлом, руководили Понятовским во время его встречи с императрицей в Каневе во время ее путешествия «в Киев и область Таврическую» весной 1787 г. Понятовский передал для Екатерины записку «Пожелания короля» на французском языке. В ней шла речь о заключении оборонительного союза и обязательстве Речи Посполитой выставить корпус против турок в обмен на поддержку Россией политических реформ, целью которых было бы укрепление государственности в Речи Посполитой. Разумеется, последнее никак не планы Екатерины не входило. На саму встречу Понятовский возлагал огромные надежды, но программа мероприятия была построена так, что вся беседа заняла не более получаса. Императрица не считала нужным вести долгие разговоры, отказалась участвовать в великолепном балу и не пожелала остаться более ни на сутки. Шесть недель ожидания и расходы более чем в три миллиона злотых оказались напрасны. Как и четверть века назад, выстраивая дистанцию между собой и Понятовским, Екатерина уверяла его: «Не допускайте к себе черных мыслей, рассчитывайте на мою дружбу и мои намерения, дружелюбные к Вам и Вашему государству» [8, с. 447–448]. Особенно показательными были такие слова между первым и вторым разделами Речи Посполитой.

Можно скептически относиться к эмоциональной составляющей в отношениях этих людей. Однако нужно учесть, что коронация Понятовского состоялась 25 ноября 1764 г., отречение было подписано также 25 ноября 1795 г., и в обоих случаях в день именин рос-

сийской императрицы. Понятовский так и не женился, несмотря на многочисленные связи и внебрачных детей. После третьего раздела Речи Посполитой и отречения Понятовский оставил Варшаву и некоторое время жил в Гродно, но, испытывая там неприязнь к себе, переехал в Санкт-Петербург, где и умер в своей резиденции в Мраморном дворце.

Е.Р. Дашкова в «Записках» называла Станислава Августа Понятовского «прекрасной, но несчастной личностью», качества которого «вовсе не прельщали его этим избитым величием, на которое судьба так неудачно призвала его». Дашкова считала, что как частное лицо Понятовский «мог бы быть счастливейшим из смертных; но, как глава буйного народа и ветреной конституции, он никогда не мог приобрести народную любовь, потому что поляки не были способны оценить ни его характера, ни его положения» [11, с. 134].

Выводы

Некогда завязавшиеся отношения между будущими монархами стали немаловажной составляющей в общем развитии событий, приведших на трон именно Станислава Августа Понятовского перед разделами польско-литовского государства. Психологические характеристики Екатерины и Понятовского, несомненно, сказались как в личных отношениях, так и в политике. Более искренний, любящий и наивный в жизни и политике проиграл тому, кто проявил прагматичность, жесткость и выдержку. Но нужно помнить и то, что без обладания последними вряд ли бы выжила в политической борьбе будущая Екатерина Великая.

Сюжет, раскрывающий отношения последнего монарха Речи Посполитой и российской императрицы, является примером не просто важности субъективного фактора в геополитическом контексте, но и образом идеального включения личностных отношений в реализацию задуманных более сильным политическим партнером целей.

Удалось ли бы предотвратить разделы Речи Посполитой в случае нахождения на престоле этого государства другого монарха? Долгая предыстория российского присутствия в Речи Посполитой, содействие Пруссии, реалии международных отношений – эти объективные факторы однозначно указывают на перспективу разделов. Однако каковы были бы их сроки и ход? В зависимости от того, кто находился на троне Речи Посполитой, разделы могли проходить быстрее или медленнее во времени, в зависимости от качеств правителя, который мог быть более или менее гибок. Однако найти настолько идеального кандидата на роль последнего монарха, как Станислав Август Понятовский, вряд ли было возможно. С одной стороны, он был, финансово и политически зависим и поэтому управляем, с другой – проявлял максимум самостоятельности в существовавших условиях, проводя масштабное реформирование страны, получившее наивысшее воплощение в Конституции 3 Мая 1791 г.

В более же широком рассмотрении судьба Речи Посполитой и ее последнего монарха выступает наглядным примером конкуренции абсолютистских и республиканских (применительно к Речи Посполитой) форм управления государством, а также указывает на степень их эффективности в контексте новоевропейской эпохи.

Библиографический список

1. Брикнер А. Г. История Екатерины Второй. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 843 с.
2. Екатерина Великая: эпоха российской истории: в память 200-летия со дня смерти Екатерины II (1729–1796) к 275-летию Академии наук : Тезисы докладов междунар. конф.: Санкт-Петербург, 6–9 августа 1996 г. / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: СПбНЦ, 1996. 327 с.
3. Екатерина II и ее окружение / Сост., вступ. ст. и примеч. А. И. Юхта. – М.: Пресса, 1996. 464 с., ил.
4. Елисеева О. И. Екатерина Великая – М.: Молодая гвардия, 2010. 635 [5] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: сер. Биогр.; вып. 1267).
5. Каменский А. Б. Екатерина II // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 62–88.
6. Ландина Л. В. Абсолютизм и абсолютная монархия в российской историографии последней трети XIX – начала XXI в.; под науч. ред. В. С. Кошелева. – Минск : Энциклопедикс, 2020. 816 с.
7. Письма Екатерины II к Понятовскому // Вокруг трона. Репринтное воспроизведение изданий 1909, 1910 годов / Вед. ред. А. В. Кокшилов. Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1989. С. 286–301.
8. Понятовский С. Мемуары / Пер. с фр. В. Савицкого. М.: ТЕРРА, 1995. 367 с.
9. Пчелов Е. В. Восходящая родословная Екатерины II // Екатерина Великая: эпоха российской истории: в память 200-летия со дня смерти Екатерины II (1729–1796) к 275-летию Академии наук : Тезисы докладов междунар. конф.: Санкт-Петербург, 6–9 августа 1996 г. / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: СПбНЦ, 1996. С. 154–157.
10. Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Записки императрицы Екатерины II. Репринтное воспроизведение. М.: Наука, 1990. 288 с.
11. Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Записки княгини Е. Р. Дашковой. Репринтное воспроизведение. М.: Наука, 1990. 528 с.
12. Собственноручные записки великой княгини Екатерины Алексеевны // Сборник Русского исторического общества. Т. VII. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1871. С. 82–101.
13. Фридрих Великий. Анти-Макиавелли. Записки о России – М.: Родина, 2023. 224 с.: илл. – (Сила мысли).

References

1. Brickner A. G. History of Catherine II. M.: AST Publishing House LLC, 2004. 843 p.
2. Catherine the Great: the era of Russian history: in memory of the 200th anniversary of the death of Catherine II (1729–1796) to the 275th anniversary of the Academy of Sciences: Theses of reports international conf.: St. Petersburg, August 6–9, 1996/Otv. ed. T.V. Artemyeva, M. I. Mikeshin. – St. Petersburg: St. Petersburg Research Center, 1996. 327 p.
3. Catherine II and her entourage /Comp., entry. art. and note. A.I. Yukhta. M.: Press, 1996. 464 p., silt.
4. Eliseeva O. I. Catherine the Great – M.: Young Guard, 2010. 635 [5] p.: sludge. – (Life of wonderful people: ser. Biogr.; No. 1267).
5. Kamensky A. B. Catherine II // Questions of history. 1989. № 3. Pp. 62–88.
6. Landina L. V. Absolutism and absolute monarchy in Russian historiography of the last third of the XIXh – beginning of the XXI century; under scientific. ed. V.S. Kosheleva. Minsk: Encyclopedics, 2020. 816 p.
7. Letters of Catherine II to Poniatovsky // Around the throne. Reprint of editions of 1909, 1910 / Vedas. ed. A.V. Kokshilov. – Volgograd: Nizh.-Volzh. Prince Publishing House, 1989. Pp. 286–301.
8. Poniatowski S. Memoirs / Per. with Fr. V. Savitsky. M.: TERRA, 1995. 367 p.
9. Pchelov E.V. The rising pedigree of Catherine II // Catherine the Great: the era of Russian history: in memory of the 200th anniversary of the death of Catherine II (1729–1796) to the 275th anniversary of the Academy of Sciences: Theses of reports international conf.: St. Petersburg, August 6–9, 1996 / Otiv. ed. T. V. Artemyeva, M. I. Mikeshin. – St. Petersburg: St. Petersburg Research Center, 1996. Pp. 154–157.
10. Russia of the 18th century in the publications of the Free Russian Printing House of A. I. Herzen and N. P. Ogarev. Notes of Empress Catherine II. Reprint reproduction. M.: Science, 1990. 288 p.
11. Russia of the 18th century in the publications of the Free Russian Printing House of A. I. Herzen and N. P. Ogarev. Notes of Princess E.R. Dashkova. Reprint. M.: Science, 1990. 528 p.
12. Personal notes of Grand Duchess Ekaterina Alekseevna // Collection of the Russian Historical Society. T. VII. – St. Petersburg: Type. Imp. Acad. sciences, 1871. Pp. 82–101.
13. Frederick the Great. Anti-Machiavelli. Notes on Russia. M.: Rodina, 2023. 224 p.: ill. – (Power of thought).